

GEORGIY N. CHERKASOV

THERE WAS
NO SELF-DEVELOPMENT,
a replica in relation
to the work
of A.P. Kudryavtsev
«Sad Jubilee» regarding
the resolution
of the Central Committee
of the CPSU of the USSR
Council of Ministers
of 1955 «On the elimination
of excesses in design
and construction»

The paper attempts to answer the statement of A.P. Kudryavtsev that Stalinist architecture, neoclassical architecture arose naturally as a result of the self-development of architecture. This work examines the process of the emergence of constructivism, the architectural avant-garde in the USSR in the period 1923–1932, the process of its deliberate liquidation and the mechanism of the formation of Stalinist architecture, approximately 1930–1954, as a tool for the formation of the personality cult of I. Stalin, which in generalised to negative consequences for the development of architecture and construction.

Keywords: art nouveau, factory architecture, neoclassical, architectural avant-garde, constructivism, the Palace of Soviets.

В работе «Грустный юбилей» А.П. Кудрявцев пишет о постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» и предшествующем ему Всесоюзном совещании строителей в 1954 г., что это был «насильственный разрыв естественного саморазвития искусства архитектуры ... который называют «сталинским ампиром» и что у него осталась «жуткая обида на советскую власть за это неправедное деяние, которое привело к ликвидации архитектуры ... ее творцов уничтожила как класс, практически исключив из ... процесса архитектурного проектирования» [1, с. 108].

Естественный процесс развития теоретической мысли, различных архитектурных школ, концепций и гипотез, архитектурного образования и архитектурной практики приходится как раз до эпохи «Сталинской архитектуры». Целесообразно вернуться ещё раньше, к 1905 году. Первая русская революция, расстрел рабочих у Зимнего дворца, в Петербурге всеобщая забастовка,

ЧЕРКАСОВ Г.Н.

САМОРАЗВИТИЯ НЕ БЫЛО,
реплика в отношении
работы А.П. Кудрявцева
«Грустный юбилей»
по поводу постановления
ЦК КПСС СМ СССР от 1955 г.
«Об устранении излишеств
в проектировании
и строительстве»

В работе даётся попытка ответить на утверждение А.П. Кудрявцева о том, что сталинская архитектура, архитектура неоклассики возникла естественным путём в результате саморазвития архитектуры. В данной работе рассматривается процесс возникновения конструктивизма, архитектурного авангарда в СССР в период 1923–1932 гг., процесс его умышленной ликвидации и механизм становления Сталинской архитектуры, примерно 1930–1954 гг., как инструмента формирования культа личности И. Сталина, что в целом привело к негативным последствиям для развития архитектуры и строительства.

Ключевые слова: модерн, фабрично-заводская архитектура, неоклассика, архитектурный авангард, конструктивизм, Дворец Советов.

все замерло, председатель кабинета министров С.Ю. Витте добирается до Николая II, находящегося в Петергофе, только на военном катере, один из линкоров стоит на причале, чтобы отвезти царя с семьёй, если что не так пойдёт, в Англию. Правительственные газеты ищут и находят виновных, это социалисты, приехавшие с Запада и настроившие добропорядочных, православных русских людей против властей.

И довольно быстро начинают происходить изменения в архитектуре. В период с конца XIX и до начала XX века, ориентировочно 1895–1907 гг. в России преобладающее направление — модерн. Русская архитектура следует за европейской тенденцией, пытающейся нашупать пути к еще не существующей архитектуре XX века, не прибегая к историческим реминисценциям. Российские модификации сецессиона и ар-нуво развивались интересно и продуктивно. Самодержавие пытается противопоставить революционным настроениям привычные охранительные действия, «исконно национальное и патриотичное» вместо иноземного

1

2

Рис.1.
Р. Малле-Стивенс.
Вилла
Ма Рю Денфер-Рошеро,
Булонь-Сюр-Сиен, 1926.

Рис.2.
Б. Великовский.
Госторг в Москве.

и чужеродного. На смену очень кратковременному периоду расцвета модерна приходят неорусский стиль и неоклассика, опирающиеся на привычные корни и прототипы.

Вся гражданская архитектура, архитектура общественных зданий, тем более официальных, обратившихся к классике и неоклассике, вернулась назад, а не в сторону передовой развивающейся архитектуры.

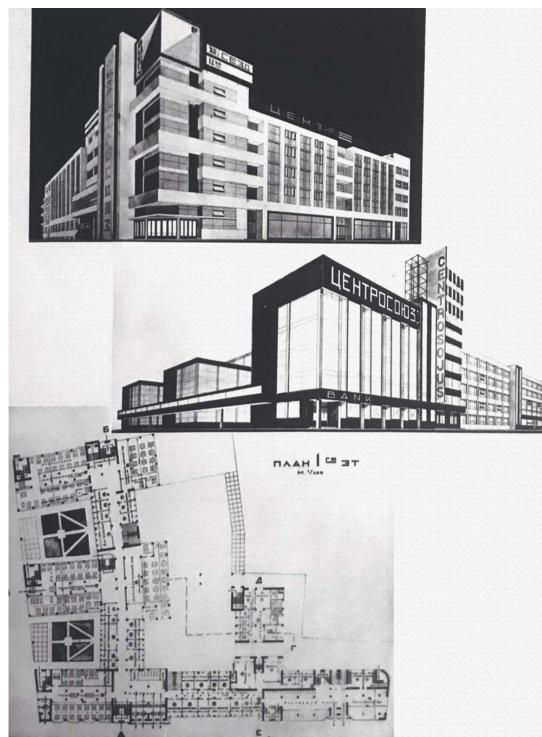
Происходит раскол между гражданской официальной архитектурой и промышленной архитектурой, между дворянским сословием, поддерживающим самодержавие, и нарождающейся буржуазией, купеческим сословием. Из их среды многие владельцы предприятий являются старообрядцами, выходцами из крестьянского сословия и, как приверженцы запрещенной конфессии, жестко преследовались правительством вплоть до манифеста Николая II от октября 1905 г.

Представители промышленности считают результаты революции 1905 г. явно недостаточными для развития политических и гражданских свобод и в том числе для развития отечественной промышленности и, как следствие, фабрично-заводская архитектура начинает следовать не за официальной архитектурой, а развивается в направлении передовых достижений западной архитектуры и строительной техники. Разрабатывается новая типология зданий различных отраслей промышленности, совершенствуются металлические и железобетонные конструкции, развиваются композиционные приемы решения генеральных планов, фасадов и интерьеров зданий, в том числе, стиля модерн.

После 1917 г. ситуация изменилась, сословное государство сошло со сцены истории, но архитекторы, придерживающиеся концепций неоклассики или концепции развития остались со своими взглядами. В Москве и Петрограде образовались профессиональные объединения с различными архитектурными программами. В Москве появилось большое количество студентов-архитекторов, учащихся высших учебных заведений, многие из которых, если не большинство, входили те или иные объединения часто под влиянием своих профессоров.

До 1917 г. в Москве архитекторов готовило только Училище живописи, ваяния и зодчества (УЖВЗ), но оно не имело статуса вуза, считалось как техникум. На все обращения в правительство о присвоении ему более высокого статуса Петербург отвечал отказом. После 1917 г. в Москве возникло сразу несколько вузов, готовивших архитекторов. В МВТУ (Московском высшем техническом училище), бывшем Императорском техническом училище, появилось архитектурное отделение в составе тоже нового инженерно-строительного факультета. На базе УЖВЗ и Строгановского художественно-промышленного училища появились I и II-е Свободные государственные художественные мастерские, на основе которых в 1920 г. был создан ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские). Возникли архитектурные отделения в МИГИ (Московский институт гражданских инженеров) и МПИ (Московский политехнический институт).

Судя по воспоминаниям современников в архитектурной Москве это был бурлящий котел

студентов, преподавателей и практикующих архитекторов, становление различных идей и направлений, проектов и концепций: они изучаются, отвергаются или принимаются.

В начале 1920-х гг. создано МАО (Московское архитектурное общество) председатель А. Щусев; ПОА (Петроградское общество архитекторов), впоследствии ЛОА, председатель В. Эвальд; ОАХ (Общество архитекторов-художников в Петрограде), председатель Л. Бенуа; в 1925 г. создается АСНОВА (Ассоциация новых архитекторов), Н. Ладовский, Н. Докучаев и др; ОСА (Организация современных архитекторов) председатель А. Веснин; АРУ (Архитекторы-урбанисты), В. Калмыков, Л. Лавров и др.; ВОПРА (Всесоюзное общество пролетарских архитекторов), А. Власов, В. Введенков и др.

В результате взаимодействия всех этих организаций и персоналий, архитекторов с неоклассическим багажом и архитекторов-сторонников новых форм развития, образовался определенный консенсус, неформальное профессиональное согласие, что «формула» современной архитектуры, предложенная ОСА, наиболее продуктивна. Эта ситуация стала очевидной во второй половине 1920-х годов. Началом ее принято считать 1923 г., когда подвели итоги конкурса на Дворец труда в Москве, когда проект братьев Весниных профессиональная общественность признала как знамя современной архитектуры. Проект получил одну из премий жюри [3–5]. Проект Весниных являлся результатом понимания того факта, что отечественная архитектура должна следовать в русле концепций, разрабатываемых в течение

последних 20 лет в работах П. Беренса, В. Гropiusa, Ле Корбюзье, Ф.Л. Райта, А. Мейера и др. И другого выхода нет, иначе отечественная архитектура будет топтаться на месте.

Архитектурный конструктивизм в СССР стал ведущим направлением как в вузах, так и в реальной практической деятельности, его эстетика и стилистика были приняты обществом и нашли отражение в кинематографе, живописи, моде, во всех областях жизни.

Сторонники АСНОВА и АРУ, по существу, по основным творческим позициям примыкают к конструктивизму, сторонникам ОСА, отличаясь от них более эмоциональным композиционным подходом в разработке проектов. Оба эти направления С.О. Хан-Магомедов назвал архитектурным авангардом. Он стал развиваться как составная часть европейской интернациональной архитектуры. В этих условиях представители классики и неоклассики, без всякого давления, перешли, правда ненадолго, на позиции конструктивизма. А. Щусев сделал Наркомзэм в Москве (1928 г.), каменный мавзолей В.И. Ленина (1929–1930 гг.) и в его мастерской во ВХУТЕМАСЕ студенты выполняют проекты в конструктивизме (1926–1927 гг.); В. Щуко и В. Гельфрейх проектируют Дворец Труда в Иваново-Вознесенске (1930 г.) и строят Театр в Ростове-на-Дону (1931–1936 гг.); И. Жолтовский строит МОГЭС в Москве (1927–1929 гг.) и консультирует проект прядильной фабрики в Ивантеевке (1928–1931 гг.).

К концу 1920-х годов советская авангардная архитектура равноправно входит в группу архитектурных школ ведущих европейских стран.

Рис.3.
Ле Корбюзье
и П. Женнере.
Частный дом
на Рю Де Доктор
Бланше. Париж, 1926.

Рис.4.
Б. Великовский.
Проект Центросоюза.

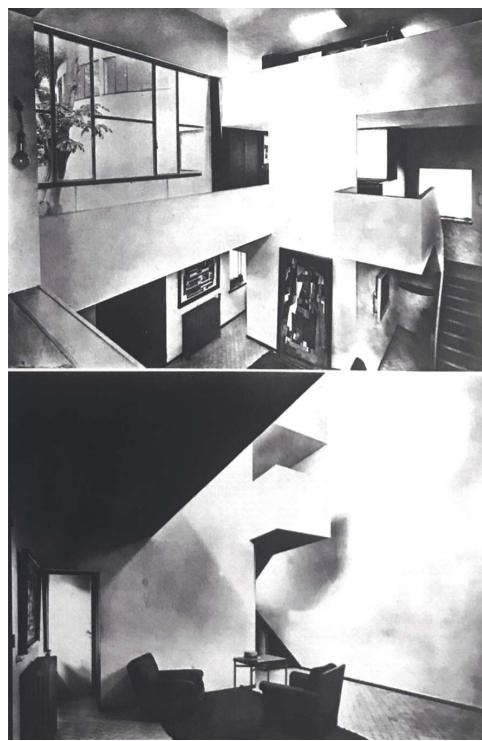
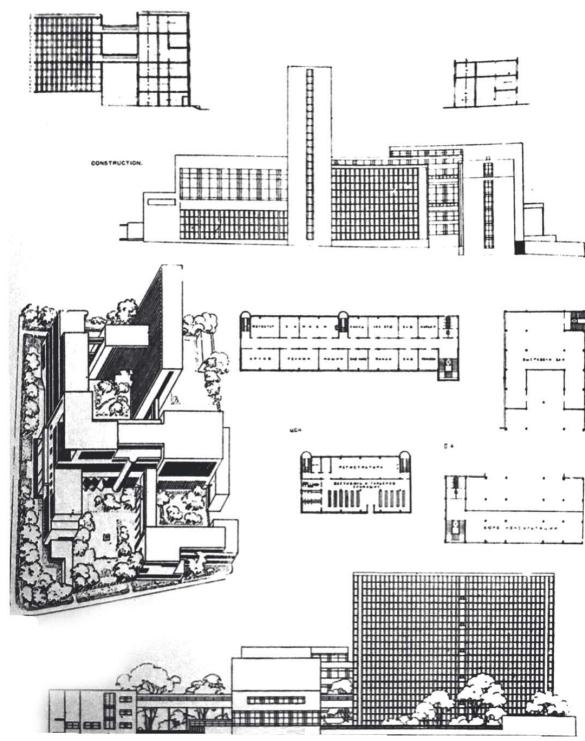

Рис.5.
Ле Корбюзье
и П. Жаннере.
Частный дом
на Рю Де Доктор
Бланш. Париж, 1926.

Рис.6.
Бр. Веснины.
Проект библиотеки
Ленина в Москве, 1928.

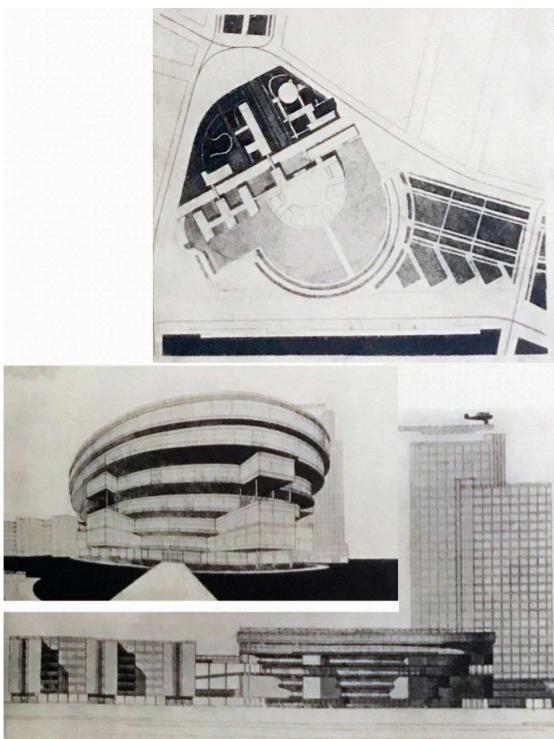
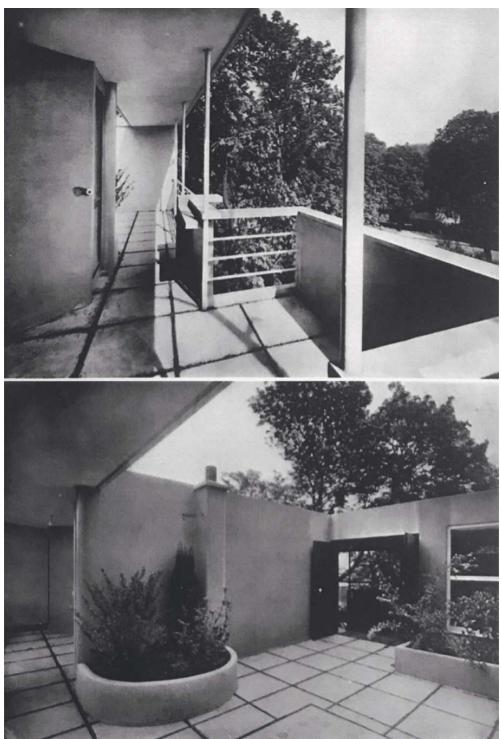

В качестве примера сошлемся на французский журнал ARCHITECTURE VIVANTE (жизнеутверждающая архитектура). В журнале приведены работы французских и советских, московских и ленинградских архитекторов за 1926–1930 гг. [6]. Визуально, по фотографиям, проводится сопоставление и, видно, качественного различия нет, при работе авторов с формой и функцией заложены одни и те же принципы построения зданий. Приведены 15 листов фотографий построенных зданий французских архитекторов и 14 подобных листов фотографий построек и проектов российских архитекторов. Среди французских авторов: Г. Соваж, О и Г. Пере, Ле Корбюзье и П. Жаннере, Р. Малле-Стевенс; среди российских: В. Великовский, С. Чернышев, Бр. Веснины, А. Никольский, К. Малевич, М. Гинзбург, Г. Бархин и М. Бархин, Л. Комарова. На концептуальном уровне это две группы объектов, представленных редакцией журнала, и они, как вполне очевидно считает редакция, определяют будущее архитектуры XX века. В российской группе объектов, в отличие от французской, где представлены только построенные здания, большинство составляют не постройки, а проекты зданий и комплексов и кажется, что пройдет еще совсем не много лет, что эти проекты и замыслы будут осуществлены. Вмешивается политика, в конце 1920-х годов начинает раскручиваться новая глава советской архитектуры. И. Сталин стал обладателем всей полноты власти и вместе со своей группировкой он начинает проводить преобразования, самым серьезным образом повлиявшие на жизнь всей

страны. В 1928 г. ликвидируется НЭП, сформирован 1-й пятилетний план индустриализации СССР, начинает проводиться коллективизация и уничтожение кулачества, завершается становление культа личности И. Сталина. Изменение направленности архитектуры становится одним из элементов формирования культа личности Сталина. Историки считают, в частности Дж. Боффа, что основными сподвижниками Сталина в это время были В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Г.К. Орджоникидзе, В.В. Куйбышев, К.Е. Ворошилов и что таково было «истинное сталинское ядро» [7, С. 386]. Не все они входят в состав политбюро, ряд лиц (Бухарин, Томский др.) из политбюро могут иметь мнение, не совпадающее с мнением Сталина, Сталин с их мнением не считается и уже знает, что их ожидает.

Сталинская группировка, 6 человек вместе с И. Сталиным, решавшая судьбоносные для страны задачи, оказалась обладателем самого низкого уровня образования по сравнению с аналогичной группировкой в СССР на протяжении всей его истории. Никто из них не имел высшего образования. Только В. Куйбышев проучился один год в военно-медицинской академии, И. Сталин не закончил семинарию, Л. Каганович учился в сельских школах до 14 лет, В. Молотов завершил обучение в 18 лет, К. Ворошилов закончил несколько классов начальной земской школы.

Для какой цели надо было перекраивать всю архитектуру, которая успешно развивалась в стране, была принята обществом и достойно выглядела на международном уровне? Все дело в особенностях структуры культа личности: необходимо,

чтобы любое значительное явление ассоциировалось, было связано с именем носителя культа, в СССР с именем Сталина. Не было никакой иной разумной причины заменить конструктивизм и архитектурный авангард на какую-то другую разновидность архитектуры, кроме как желания связать появление этой архитектуры с носителем культа личности, что и произошло. Члены команды, группировки Сталина, в силу их образовательного багажа вряд ли могли отличить палладианскую архитектуру от китайской архитектуры. Какие-то обывательские предпочтения могли иметь место, поскольку все эти участники группировки наверняка видели солидные представительские здания, выполненные в ренессансной традиции и в Тифлисе, и в Луганске, Казани и, тем более, в Петербурге и они могли вызывать у них уважение.

Воспринимать же новое явление всегда непросто, для этого необходимо прикладывать определенные усилия, будь то в авангардной архитектуре, музыке, генетике или иных областях.

Эксперты-архитекторы объяснили, что специалистов, к примеру, по китайской архитектуре у нас нет, а по архитектуре итальянского ренессанса достаточно много, особенно в Ленинграде. Сталин и его группировка, по всей видимости, не осознают, что, отказываясь от конструктивизма, они отбрасывают архитектуру назад, в том числе и в строительной технике и технологии.

По прошествии многих лет можно представить основные этапы партийно-государственной операции «перестройка архитектуры»:

- Компания в прессе и обществе, направленная

на дискредитацию конструктивизма и призывы к изменению направленности в архитектуре, 1928–1931 гг.

— Проведение многоэтапного конкурса на строительство в Москве Дворца Советов таким образом, чтобы по результатам всех этих этапов архитекторы уяснили, какие решения, в смысле направленности архитектуры будут считаться правомерными.

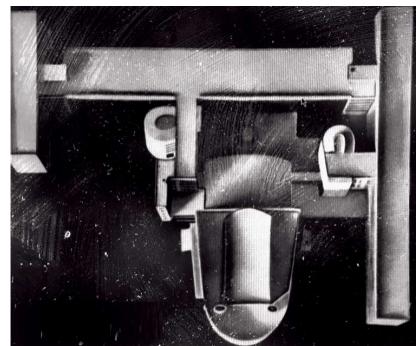
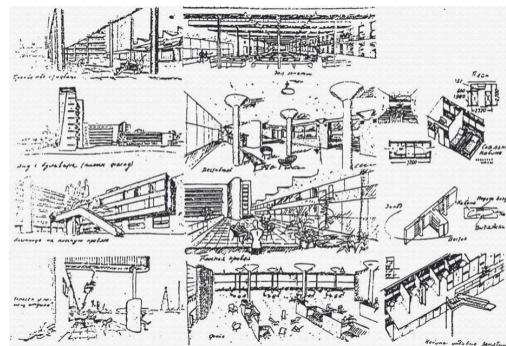
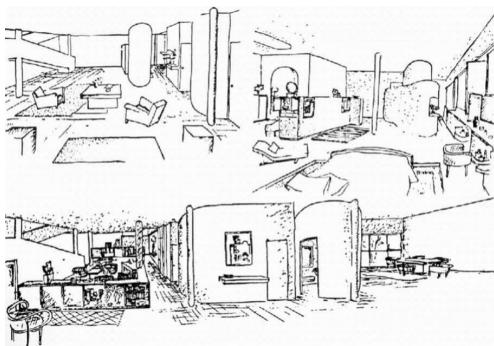
— Перемещение, переезд архитекторов, сторонников неоклассики, из Ленинграда в Москву и подключение их к выполнению крупных проектов, начиная с 1932 г.

— Создание Всесоюзной академии архитектуры (ВАА), основной задачей которой было переучивание архитекторов для работы с классическим наследием и в неоклассике, 1934–1955 гг. Созданию ВАА СССР предшествовала ликвидация свободных архитектурных обществ в Москве в июле 1932 г., формирование правления Союза архитекторов и назначение его руководства под видом выборов в том же 1932 г. [3].

Массированная компания по дискредитации конструктивизма заключалась в навешивании ярлыков и травле И. Леонидова как одного из лидеров этого направления. Характерны такие формулировки: «мы отвергаем конструктивизм-функционализм, выросший на базе финансово-го капитала» (декларация ВОПРА, авг. 1929 г.) [8, С. 138]; «леонидовщина» в архитектуре ... отражает психо-идеологию части мелкой буржуазии» (резолюция секции ИЗО Комакадемии «О мелкобуржуазном направлении в архитектуре (леонидовщина)» дек. 1930 г. [8, С. 142]; «надо вскрыть

Рис.7.
Ле Корбюзье
и П. Женнере.
Частный дом
на Рю Денфер Рошеро,
Булонь-Сюр-Сиен, 1927.

Рис.8.
Л. Комарова.
Проект Дворца
Коминтерн.

... сущность конструктивизма-функционализма, родившегося ... на базе капиталистической рационализации ... проповедующего меньшевистский урбанизм, являющегося отражением социал-фашистских теорий» (Н. Милтин, май 1932 г.) [8, С. 171]; «неопределенность идеологической установки ни к чему хорошему привести не могут ... мы считаем вполне своевременным обратить внимание партии на то, что ... необходимо ее авторитетное вмешательство» (Я. Фридман «Больше внимания архитектуре», Правда, окт. 1928 г. [8, С. 170]). Партийное руководство понимало и инициировало полемику именно такого уровня. При этом надо учитывать социально-политический фон в стране в это время.

Идет первая пятилетка и сфабрикованный процесс по делу «промпартии» [9]. Идет коллективизация, за счет отъема зерна у крестьян для продажи за рубежом и финансирования индустриализации умирает от голода в деревне более 1 млн. человек. Соответственно фабрикуется очередной судебный процесс над «организаторами голода», в результате которого были расстреляны 48 «вредителей» в мясном, рыбном и др. главках народного комиссариата внешней и внутренней торговли СССР. Т.е. формируется неизбежность абсолютного послушания всем решениям И. Сталина и руководства ВКП(б), что одно и то же, насколько сомнительными и абсурдными они бы не были. В 1930 г. создается Совет по строительству Дворца Советов при президиуме ЦИК СССР (состав Совета не публикуется, считается, что председателем был И. Сталин). В конце 1930 г. объявляется первый конкурс под названием «предварительный проект». В 1931 г. поступило 16 проектов, в числе авторов которых представители архитектурного авангарда. Еще никто не чувствует подвоха. Впоследствии ряд зарубежных исследователей отмечали высокий уровень представленных работ и появление свежих архитектурных идей. В августе 1931 г. в «Известиях», а затем и в других изданиях появляются критические статьи, высказывающие неудовольствие результатами конкурса.

На новый конкурс, объявленный в 1931 г., поступило много проектов, в том числе заказных. Среди последних проекты В. Гропиуса, Корбюзье Э. Мендельсона, Г. Пельцига, выполненных, как и целый ряд отечественных проектов, в концепциях современной архитектуры. В феврале 1932 г. Совет

по строительству Дворца Советов вынес постановление: премировать проекты И.В. Жолтовского, Б.М. Иофана и Гамильтон (США) по 12 тысяч рублей каждый.

Проектирование Дворца Советов было продолжено в 1932–1933 гг. Совет по строительству принял за основу проект В. Иофана и привлек к разработке окончательного варианта В. Гельфрейха и В. Щуко. В. Гельфрейх и В. Щуко в качестве сторонников неоклассики, были назначены в группу В. Иофана без его ведома.

Вслед за В. Щуко и В. Гельфрейхом в Москву из Ленинграда переводятся Л.В. Руднев, Л.М. Поляков, И.В. Рожин и др. Они выполняют в неоклассике целый ряд проектов, библиотеку им. В.И. Ленина, высотные здания на Смоленской площади, на Каланчевской площади, МГУ, ряд станций метро и др.

В 1930-х годах на одном из обсуждений в ЦДА (Центральном доме архитектора) Л.Н. Павлов сказал, — это я воспринял с некоторым удивлением, — что архитекторы, приехавшие из Ленинграда, испортили Москву, что они привыкли работать на плоском рельефе, а Москва стоит на холмах и они это не учили. Имел ли в виду Леонид Николаевич только это обстоятельство или что-либо иное, не берусь судить.

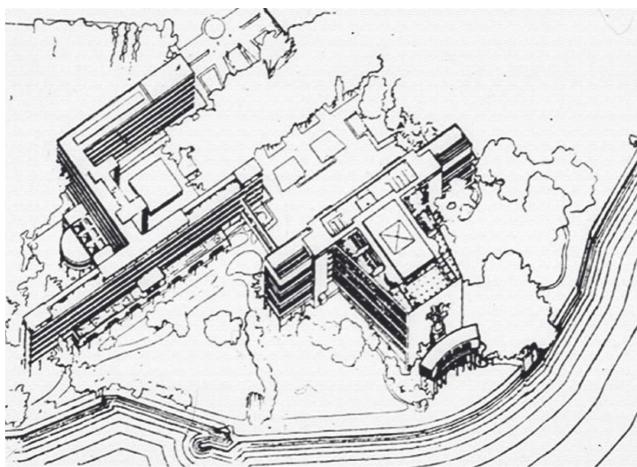
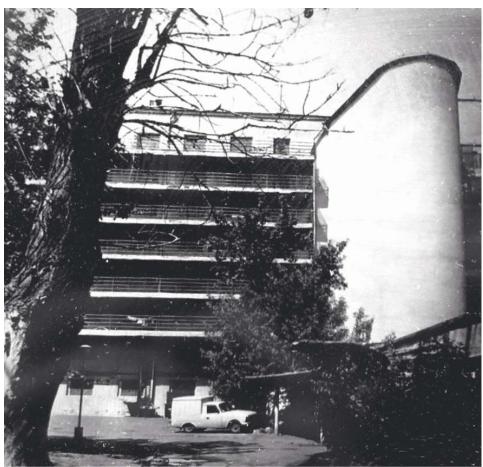
О событиях 1930-х годов приходилось напоминать архитектурной общественности и в послевоенное время, особенно после серии «партийных постановлений», обрушившихся на советское искусство в 1946–1948 гг. «При этом подобные партдокументы немедленно проецировались и на архитектуру» [10]. Мы это можем видеть по стенограмме собрания актива московских архитекторов, март 1948 г., посвященного обсуждению очередного постановления ЦК ВКП(б).

Можно привести, к примеру, выступление Г.А. Захарова, которого упоминает в своей работе А.П. Кудрявцев. Г. Захаров: «Товарищи! Постановление ЦК ВКП(б) об опере Мурадели «Великая дружба» имеет громадное историческое значение для всех видов искусств. Разоблачая антисоветское ... направление в нашей музыке, это постановление дает ясные разъяснения ... Вспоминая годы разгула оголтелого конструктивизма ... принесших нашему народу много горя ... вспоминая целый ряд бывших идеологов так называемой интернациональной архитектуры

Рис.9.
Ле Корбюзье. 1923-24 гг.

Рис.10.
И. Николаев.
Дом-коммуна в Москве,
1929 г.

Рис.11.
Ле Корбюзье.
Здание Центросоюза
в Москве.

и выдававших себя и свою стряпню за самое передовое ... приходится с глубоким вздохом констатировать, что большинство из них до сих пор занимают руководящее положение» [10, С. 14]. В 1954 г. я был на 3-м курсе МАИ (МАРХИ), руководителями группы были Г. Захаров, З. Чернышова и их аспирант. Тема проекта — одноэтажный жилой дом. Априори — все надо было делать «в классике». Мой согруппник Д. Розов, он был постарше нас и пришел после армии, — он подал проект в нестандартной стилистике, как бы даже в модерне. Руководители группы тут же этот проект изъяли с просмотра и Г.А. Захаровставил вопрос, по разговорам среди студентов, чуть ли как об идеологической диверсии и об исключении Розова из института.

Всесоюзное совещание строителей и Постановление ЦК КПСС «Об устранении излишеств, в проектировании и строительстве» я воспринял с некоторым оптимизмом. Архитектурное образование в МАИ (так тогда назывался институт) с этого времени развивается, как мне представляется, совершенно правомерно, пытаясь встать в уровень с мировой архитектурной практикой. На 1-м курсе, в 1952 г., когда я только пришел в институт, около Красного зала был выставлен проект сооружений канала Волга-Дон, выполненный в сталинском ампире под руководством Л.М. Полякова в 1957 г., когда я был на 5-м курсе, напротив кафедры промархитектуры, на 3-м этаже был выставлен дипломный проект АЭС С. Белова, руководитель Л. Павлов. Четыре огромных шара отделения атомных реакторов на фоне синего неба. Этот фантастически красивый проект можно было бы сразу реализовывать, строить в любом месте Западной Европы, кроме СССР. В России менталитет руководства, отягощенный балластом представлений прошлого, этого не мог допустить.

В МАИ архитектурный уровень проектов был на достаточно приличном уровне, это подтверждали зарубежные архитекторы, посещающие Институт. Студенты также осваивали теоретические концепции современной архитектуры.

Помню, как в 1957 г. А. Гутнов с товарищами студентами устроили премьеру — докладывали о творчестве Ле Корбюзье. В 1929–1930 гг. И. Николаев построил в Москве Дом-Коммуну в стилистике Ле Корбюзье и графику проекта также выполнил под Ле Корбюзье. Г. Мовчан, однокурсник И. Николаева, рассказывал мне, что Корбюзье был кумиром для них, студентов архитектурного отделения МВТУ (выпуск 1926 г.). После 1932 г. в СССР прервалось освоение новых идей, стимулирующих развитие архитектуры.

Все постановления ЦК партии и правительства — крайне уродливая форма руководства народным хозяйством и обществом, заменяющая естественный процесс развития однолинейным волонтеристским подходом с обозначением «врагов» и виновных.

Постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» дало такой богатый материал «Кохинору» и «Рейссинке» — сатирическим ансамблям ЦДА, которого хватило на более чем двадцать лет работы. Архитекторы шутили, что «Кохинор» — единственный ансамбль, созданный в советской архитектуре. Я впервые попал, и не без труда, на выступление «Кохинора» и «Рейссинки» в 1959 г., это было почти потрясение, все, или почти все, существующие в советской архитектуре проблемы в песнях и байках разбирались талантливо, остроумно и в блестящей художественной форме.

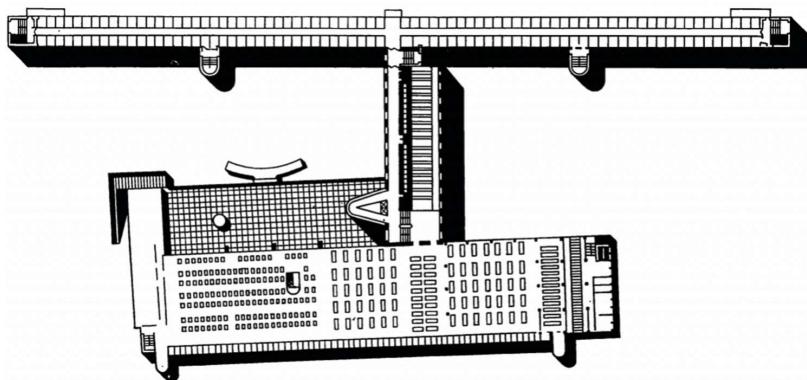
Aх, братья-архитекторы,
И мы не зря живем,
От нас в веках останется
Пятиэтажный дом ...
.....

Но ты войдешь в историю,
убогий и родной. (из песни начала 1960-х гг. [12, С. 16]).

В настоящее время исследователи оценивают состояние российской советской архитектуры после эры И. Сталина более положительно, чем очевидцы и участники событий того времени [13,14]. Архитектура российского авангарда в период 1925–1931 гг. была на уровне архитектуры ряда

Рис.12.
И. Николаев.
Дом-коммуна в Москве,
1929 г.

Рис.13.
Ле Корбюзье.
Лига наций, 1927 г.

Иллюстрации 1 – 8 -
из журнала L'ARCHITECTURE VIVANTE

Рис.14.
И. Николаев.
Дом-коммуна в Москве,
1929 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кудрявцев А.П. Грустный юбилей. Сборник тезисов МАРХИ «Наука, образование и экспериментальное проектирование». – Том 1. – Москва: МАРХИ, 2021. – С. 108-110.
2. Черкасов Г.Н. Изменение направленности архитектуры под влиянием революции 1905 г. – Архитектурная Наука в МАРХИ. – Москва: Издательство Ладья, 1999. – С. 63-66
3. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. – Книга первая. – Москва: Стройиздат, 1996.
4. Черкасов Г.Н. Московская школа промышленной архитектуры (1917-1923 гг.). – Труды МАРХИ «Наука, образование и экспериментальное проектирование». – Москва: МАРХИ, 2011. – С.173-179.
5. Черкасов Г.Н. Архитектурная жизнь МАРХИ : архфак ВХУТЕМАСа и архитектурное отделение МВТУ. – Архитектура и строительство России. – 2020. – № 4. – С. 44-47.
6. L'ARCHITECTURE VIVANTE. – 1926. – № 14. – HIVER MCMXXX.
7. Бодфа Джузеппе. История Советского Союза. – Том 1. – Москва: Международные отношения, 1990.
8. Из истории советской архитектуры.1926-1932 гг. – Москва: Наука, 1970.
9. Черкасов Г.Н. Индустриализация в период 1-й пятилетки и проблемы архитектуры. – Труды МАРХИ «Архитектурная наука и образование». – Москва: Стройиздат, 2003. – С. 262-267.
10. Забытые страницы истории союза архитекторов. СА СССР. – Москва, 1992.
11. Черкасов Г.Н. Корбюзьеанские истоки Дома-коммуны И. Николаева. – Сборник тезисов МАРХИ «Наука, образование и экспериментальное проектирование». – Том 1. – Москва: МАРХИ, 2018.– С. 80.
12. Кохинор-Рейшшина. – Типография Мосстройкомитета. – Зак.144.
13. Москва: архитектура советского модернизма 1955-1991. – Москва, 2019.
14. Советский модернизм, 1955-1985. Каталог выставки / Составитель А. Гозак. – Москва: МУАР. – 2010.

европейских стран, определявших развитие архитектуры того времени; идеологи сталинской архитектуры отбросили советскую архитектуру назад, в прошлое; хрущевская оттепель, покончив со сталинской архитектурой, дала возможность включиться в европейский современный архитектурный процесс, что постепенно и происходит.

REFERENCE

1. Kudryavcev A.P. (2021) Grustnyj yubilej [Sad Jubilee]. – Sbornik tezisov MARKHI «Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie» [Collection of abstracts of MARKHI «Science, Education and Experimental Design»]. – Vol. 1. – Moscow: MARKHI, pp. 108-110.
2. Cherkasov G.N. (1999) Izmenenie napravlennosti arkitektury pod vliyaniem revolyucii 1905 g. [Changes in the direction of architecture under the influence of the 1905 revolution]. – Arkitekturnaya Nauka v MARKHI [Architectural Science at MARKHI]. – Moscow: Izdatel'stvo Lad'ya, pp. 63-66.
3. Khan-Magomedov S.O. (1996) Arkitektura covetskogo avangarda [Soviet avant-garde architecture]. – 1st Book. – Moscow: Stroizdat, 709 p.
4. Cherkasov G.N. (2011) Moskovskaya shkola promyshlennoj arkitektury (1917-1923 gg.) [Moscow School of Industrial Architecture (1917-1923)]. – Trudy MARKHI «Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie» [Proceedings of MARKHI «Science, Education and Experimental Design»]. – Moscow: MARKHI, pp. 173-179.
5. Cherkasov G.N. (2020) Arkitekturnaya zhizn' MARKHI : arkhfak VKHUTEMASA i arkitekturnoe otdelenie MVTU [Architectural life of MARKHI: Arhfak of VKHUTEMAS and the architectural department of MVTU]. – Arkitektura i stroyitel'stvo Rossii [Architecture and Construction of Russia]. – № 4. – pp. 44-47.
6. L'ARCHITECTURE VIVANTE (1926). – № 14. – HIVER MCMXXX [Winter 1930].
7. Boffa Dzhuzeppe (1990). Istoriya Covetskogo Soyuza [History of Soviet Union]. – Vol. 1. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 632 p.
8. Iz istorii sovetskoy arkitektury.1926-1932 gg. [From the history of Soviet architecture. 1926-1932] (1970). – Moscow: Nauka, 211 p.
9. Cherkasov G.N. (2003) Industrializaciya v period 1-j pyatiletki i problemy arkitektury [Industrialization in the period of the 1st five-year plan and problems of architecture]. – Trudy MARKHI «Arkitekturnaya nauka i obrazovanie» [Proceedings of MARKHI «Architectural Science and Education»]. – Moscow: Stroizdat, pp. 262-267.
10. Zabytie stranicy istorii soyuzu arkitektorov. SA SSSR [Forgotten pages of the history of the union of architects. SA USSR] (1992). – Moscow.
11. Cherkasov G.N. (2018) Korbyuz'eanskie istoki Doma-kommuny I. Nikolaeva [Corbusier's origins of the House-Commune of I. Nikolaev]. – Sbornik tezisov MARKHI «Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie» [Collection of abstracts of MARKHI «Science, Education and Experimental Design»]. – Vol. 1. – Moscow: MARKHI, p. 80.
12. Kokhinor-Rejsshinka. – Moscow: Tipografiya Mosstrojkomiteta. – Order 144.
13. Moskva: arkitektura sovetskogo modernizma 1955-1991 [Moscow: architecture of Soviet modernism 1955-1991]. – Moscow: Garage Museum, 352 p.
14. Gozak A. (2010) Sovetskij modernizm, 1955-1985. Katalog vystavki [Soviet modernism, 1955-1985. Exhibition catalog]. – Moscow: MUAR.